

Людмила Шишенина

БЕРЕГА, БЕРЕГА...

Барнаул,
2018

Людмила Шишенина родилась на Алтае, в селе Гришенском, в настоящее время живет в селе Мамонтово. Много лет работала в сфере культуры.

Людмила Шишенина пишет о том, что хорошо знает. Она художник аполлонического склада, человек твердых взглядов, устойчивых вкусов, художнически опытный. Если автор препарировывает личные впечатления, это непременно картины деревенской природы, образы детства.

*По селу после долгой разлуки
Я иду, улыбаясь теплу...
Вот судачат в моём переулке
Две соседки опять поутру.
Стайкой гуси бредут вдоль дороги.
Лает пёс. — Что, дружок, не узнал?
Мама машет рукой у порога,
А отец у калитки застрял...*

.....

*Воздух детства разбудит желание
Пробежаться по тропке к пруду,
Посмотреть на ребячье купанье,
На рыбалку, траву-лебеду...*

Иногда поэтесса уступает современным веяниям и живописует парижские прогулки, однако на основании собственного опыта; изредка посвящает стихотворения поэтическим знаменитостям, но осторожно и с умом. Лучше всего Шишениной удается воскрешение прошлого.

*Мне снится далёкий посёлок
У кромки смолистого бора,
Листвой шелестящий околос
И лавочка возле забора.
Закат в золочёной накидке,
Вечерняя нега — прохлада,
И мама с ведром у калитки
Встречает усталое стадо.*

Прозаические миниатюры, вошедшие в сборник, любопытны как документалистика. В целом дебютная книга производит приятное впечатление отсутствием претензий. Ее сборник выглядит, как скромный полевой букет среди кровавых граффити и восточной орнаменталистики. Автор не путает берега, за что ей уважение и поклон.

Константин Гришин

Сергей Харитонов

БЕЗ СДАЧИ

Барнаул,
2019

Сергей Харитонов внимательно изучил стихи Бориса Рыжего, Сергея Гандлевского и Сергея Есенина. Его книги «Надежное горе» и «Без сдачи» представляют собой сборники подражаний любимым авторам. Поэт уважительно цитирует классиков, использует как эпиграфы их строки, но это лишь маскирует подлинный масштаб заимствований: «Я с тех пор, как большая собака:/Утром лаю, а ночью скулю», «Снова собака лает,/Я хочу с ней завять», «Хочу домой, хочу, как раньше,/Но постарел мой рыжий кот», «Я оставил родное село...», «Исподлобья гляжу виновато», «Когда убежал виновато», «Глядит на меня виновато», «В окошко гляди виновато», «Не вспомнишь ты ни жалости, ни злобы...», «И дольше века длился день», «Пора уже лететь к своим...», «Не закончится музыка нежная...», «Там в день по пачке сигарет,/Там глупым был, и не секрет...»

Удивительно, что в своих наблюдениях стихотворец не выходит за пределы магического круга, очерченного Борисом Рыжим. В объективе героя — сигареты, окурки, пустые бутылки, его собеседники и знакомые — незадачливые соседи по квартире. Намереваясь прослыть реалистом, автор

достигает обратного эффекта: стихи выглядят слишком литературными и условными. Баратынский советовал: «Не подражай: своеобразен гений и собственным величием велик. Доратов ли, Шекспиров ли двойник, досажен ты: не любят повторений». К счастью, Харитонов не только механически заимствует ритмы и словесные находки. Иногда он полемизирует с источником: «На чужом продавленном диване, / Я бесцельно мял себе бока», «Я не скажу о том, что рвёт мне душу, не будет слов про небо, облака, о том, как молотили, словно грушу, у зданья обветшалого ДК».

Он способен к самостоятельным интерпретациям, может выражать их остроумно и точно.

*В раздевалке не выключен свет,
Вся команда под флагом российским.
В голове Ходасевич и Фет,
А на поле Зидан и Росицки.*

.....
*Не забуду успешного мальчика,
Что стремился по дому помочь.
Харитонов, Исаков, Иванченко
Говорят о Сперанском и проч.*

Дарование есть, есть музыка... Плохо, если недостатки сохранятся десять лет спустя. А пока у поэта фора.

Константин Гришин

Павел Пономарёв

МЫШИНЫЕ ПЕСНИ

Riderro,
2019

Автор книги «Мышиные песни» прежде всего философ и моралист, а уже потом художник. Бесспорный талант рассказчика и живописца помогает ему замаскировать притчу и басню, объективировать ее, стилизовать под «бесформенный кусок жизни». Разборчивый читатель воспримет прозу Павла Пономарёва с благодарностью. На уровне сюжета и композиции он чужд недомолвок, этического плюрализма.

О чем, например, повесть «Беглец», открывающая книгу? О том, что люди разных культур не должны общаться, потому что их взаимодействие разрушительно. Рассказ «Юбилейный пассажир» написан на тему: «Чиновники создают параллельную реальность, им бы отчитаться об успехах, а на простых людей наплевать». Изображение скандалов, этических дряг — конек автора. Как и авторитетный для него Достоевский, прозаик настойчиво воссоздает ситуации вроде: «Студент и девушка с низкой социальной ответственностью беседуют о смысле жизни». Большинству текстов книги подходит определение «скверный анекдот». Они посвящены обсуждению табуированных в светской культуре проблем. В этой связи финальные строки рассказа «Вениамин» автопсихологичны и вполне могут быть отнесены к личности автора: «Больше я Веню никогда не встречал. Возможно, его убили. Возможно, он сам умер где-нибудь на пустыре от невозможности не говорить опасных слов людям. Такова участь пророка».

Средний читатель воспринимает подобную прозу однотипно — мол, автор «грузит», «пишет чернуху», «грустно», «хочется повеситься после чтения», «герои — бомжи и алкаши». Это лишь свидетельство силы таланта Павла Пономарёва. Настоящее искусство не успокаивает нервы, а играет на них.

С точки зрения приемов и формы рассказы, вошедшие в книгу, принадлежат русской классической традиции, органично развивают ее каноны. Иногда возникает соблазн упрекнуть автора в заимствовании стилистических находок Андрея Платонова: «В новом жилище оказалось достаточно разного рода вещей, чтобы существовать». Однако Платонов лишь развивал условную «плохопись» Льва Толстого, и этот след ложный. Можно найти не менее впечатляющие переключки с Гоголем, Чеховым, Шукшиным и так добраться до протоппа Аввакума. Вероятно, Павел говорит на языке всей христианской, русской культуры. Он ставит этические вопросы ребром. Поэтому любителям легкого чтения и развлечений лучше держаться от этой прозы подальше. Не ровен час, заработают бессонницу, и, возможно, захотят удалиться в монастырь.

Константин Гришин

Татьяна Николаева

БЫТЬ ПРОВОДНИКОМ Стихотворения

Кемерово,
2019

Поэтические тексты Татьяны Николаевой достаточно бесстыдны для хороших, крепких, профессиональных стихов, если пользоваться критериями Ахматовой и жизнетворческой практикой Цветаевой. Унижение паче гордости — прекрасный литературный прием, уходящий корнями в глубокую древность, во времена славных греков Терсита и Архилоха.

*Я такая же буду в текстах
стихотворных своих столбцов —
человекообразное тесто,
превращающееся в лицо.
И какой-нибудь ангел падший,
прочитав, пыль оплачет с глаз
над своей злободневной пашней:
«Это, видимо, и о нас?..»*

Лирическая героиня, подобно курсистке из бунинского «Чистого понедельника», любит строй старинной речи, русские предания, сказки, легенды, светскую жизнь и духовную, календарные заботы, засолку овощей, smalltalk и cakewalk. Она плоть от плоти народной.

*Хорошо с гениальным поэтом
говорить о бытийном, простом:
о грибах ли тучняющим летом,
о грехах ли Великим постом...
Простоты бытия — что половы
в нашей провинциальной глуши.
Только острым, изысканным словом
не затрагивай, гений, души.
Хоть она и проста, и убога,
и бытийность её — только миг...
Не касайся посланницы Бога —
ни короны ея, ни вериг.*

Важнейшее качество профессиональных стихов — самозащитенность, невозможность пародии. Она достигается тончайшей иронией, системой зеркал, заглушек и боковых ходов. Эти простые стихи совсем не просты, но изысканны.

*Улыбаюсь во всю душу,
под июльским солнцем сплю:
ничего-то не нарушу,
никого не погублю...*
(Татьяна Николаева)

Сравним:

*Ни о чем я не жалею,
ничего я не хочу —
в золотом Свети-Цховели
ставлю бедную свечу.*
(Белла Ахмадулина)

Многочисленные посвящения друзьям, родным, отцу, матери, коллегам говорят об отсутствии ханжеской, ложной стыдливости у поэта, ее лояльности Роду. Этого качества не хватает современным профессиональным авторам, которые, вслед за Мандельштамом, рвут семейные узы и не хотят ставить себя в неловкое положение: посветишь текст, рассоришься, имя друга захочешь забыть, — но книга издана, не вырубить топором... Татьяна Николаева, воспитавшая в литературных студиях Новокузнецка не одно поколение стихотворцев, продолжает удивлять читателя трезвым, насмешливым, ироническим и нежным отношением к жизни и своему занятию.

*Окровавленные правкой строки:
в них слова становятся нежны,
льнут друг к другу в вихревом потоке
чувств и мыслей... а кому нужны?
Никому. Нужны квартиры, деньги,
бабе — муж, да мужику — жена.*

*А стихи?.. Простите, я — бездельник,
но к словам пристрастна и нежна.*

Перефразируем классиков: «Я знаю, что поэзия не нужна, но я положу жизнь на алтарь поэзии». За вдумчивый подход к лирике хочется поклониться автору земным поклоном и приобрести сборник в личную библиотеку — а это с рецензентами случается нечасто.

Константин Гришин

Михаил Красильников

**И ЭТО ЖИЗНЬ.
Стихи**

Барнаул,
2019

Название поэтического сборника, нарочито стертое, штампованное, звучит иначе, если книгу прочтешь. Оно приобретает зловещие, вкрадчивые обертоны: «И это — жизнь?»

«Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью», — сказал Сократ. Автор настоящего текста, преподаватель философии в БГПУ, доказывает это на деле.

*Уже не знаешь —
будешь или нет.
Уже глядишь вокруг
чужим, сторонним взором.
И не вникаешь
в разговоры
и, кажется, —
прощаешься навек...*

Его свободный стих скрепляют аллитерации, рифмы, образы, достаточно традиционные. Отказ от регулярного ритма имеет свое преимущество: читатель, не убаюканный русской силлабо-тоникой, буквально сверлит глазами страницу, вслушивается и вдумывается в авторские миниатюры с удесятенным вниманием. Поэт сообщает самые заурядные вещи, но они кажутся страшными, безнадежными, непоправимыми законами мирового порядка, с которыми борются бессмысленно.

*Знакомая девушка
смотрит мимо.
Ловлю случайно
взгляд холодных глаз.
Девчонка выросла.
И оценила.
Отвергла и идёт
вперед. Сквозь нас.*

Бытовые миниатюры под пером автора неотвратимо превращаются в притчу, басню, философское обобщение глобального масштаба.

*В этом пенале,
шевели усами,
прожил
свой век.
И был доволен,
почти что рад.
Очень был тронут,
что не тронули.*

Книга Красильникова — самое интересное, что мне довелось прочесть в 2019 году из местных поэтических сборников. Существование автора вне литературной системы конкретного города благотворно сказалось на стихах. Они самостоятельны, оригинальны с точки зрения формы, следовательно — самостоятельны содержательно. Разумеется, тексты подчиняются законам поэзии, не имеют ничего общего с заумью, экспериментами в духе Алексея Кручёных, и даже с «русской версией» хокку — последним прибежищем российского графомана. Хочется пожелать автору расширить географию публикаций, сотрудничать с журналами краевого и российского уровня. «Талант — единственная новость, которая всегда нова», — сказал Пастернак.

Константин Гришин